

Повестка государственной политики в неспокойном мире

В.И. ЯКУНИН¹

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия)

Аннотация

Мир переживает кардинальную трансформацию, которую можно охарактеризовать как системный кризис, имеющий экономическое, политическое и антропологическое измерения. Такие изменения создают значительные проблемы на глобальном и национальном уровнях, проверяя международные институты и национальные правительства на прочность и создавая кризисы на всех уровнях управления и в различных сферах. В статье рассматривается, как меняется повестка дня государственной политики с учетом этих перманентных потрясений. Основная повестка государственной политики находится под давлением краткосрочных и экстренных задач в ущерб стратегическим вопросам, а для обеспечения устойчивого развития правительства должны поддерживать долгосрочные проекты, внутреннюю социальную согласованность и внешний взаимный диалог, используя самые передовые инструменты социальных и естественных наук, а также возможности цифровизации. Только такой инициативный, но осторожный и цивилизованно обоснованный подход обеспечит мирное решение текущих и будущих задач.

Ключевые слова

государственная политика и управление, глобальный системный кризис, капитализм, глобальное большинство, неравенство, диалог, дипломатия, развитие, гегемония США, культура отмены, санкции

Для цитирования

Якунин В.И. (2023). Повестка государственной политики в неспокойном мире. *Управление и политика*, 2(3), С. 8–24. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-8-24

¹ **Якунин Владимир Иванович** – доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 119192, Москва, Ломоносовский проспект д.27 к.4 (Шуваловский корпус МГУ).
E-mail: info@polit.msu.ru

Не будет преувеличением охарактеризовать последние три-четыре года существования современного мира как период чрезвычайно высокой турбулентности: на этот период пришлось пандемия COVID-19 и обострение украинского кризиса, которые затронули практически все аспекты современных международных отношений, характеризовавшие ранее процессы глобализации. В попытках концептуализации происходящих изменений в статье выдвигается гипотеза о наличии «системного глобального кризиса», который и является основной причиной упомянутой нестабильности. Данная научная гипотеза еще потребует подтверждения и защиты за рамками одной статьи, поэтому в заголовок вынесена менее строгая формулировка, отражающая, тем не менее, суть происходящих процессов: «неспокойный мир».

Состояние «неспокойного мира» (применительно к глобальным международным процессам, прежде всего) критическим образом влияет на повестку государственной политики национальных правительств, тем самым меняя их тактические и стратегические приоритеты, создавая уже новые очаги нестабильности и подпитывая в свою очередь «снизу» состояние «неспокойного мира».

Этот порочный круг требует детального анализа для определения точек его возможного «размыкания», прежде всего на уровне практической политики. В этом и заключается основная цель настоящего исследования.

Методология исследования

Центральным феноменом исследования оказалось состояние «неспокойного мира», которое предлагается рассматривать через призму политического кризиса, происходящего на глобальном уровне. Рассмотрение этого явления под таким углом является в определенном смысле новаторским, так как политический кризис традиционно рассматривается в рамках одной политической системы или ее институтов, а для системы международных отношений существует другой понятийный аппарат. Следует согласиться, однако, с мнением российских исследований, что границы между внутренней и внешней политикой в современном мире стираются, в том числе из-за активного влияния международных и глобальных

институтов, поэтому происходит своеобразная конвергенция политической науки и теории международных отношений (Гаман-Голутвина, 2016; Торкунов, 2020). Следуя этому тренду, представляется возможным применить концептуальную рамку «политического кризиса», которая будет описана далее, к изучению состояния мирового порядка, имея в виду, что сформированные за последние десятилетия международные и глобальные институты фактически уже осуществляют функции, присущие «глобальному управлению», и именно с характеристикой их функционирования тесно связаны многие последствия в виде нестабильности (Торкунов, 2022).

Проведя подробный и системный обзор зарубежных и российских теоретических концепций, описывающих политический кризис, российские исследователи Телин К.О. и Полосин А.В. сформировали концептуальную рамку для изучения политического кризиса (Телин, Полосин, 2016), которая вполне применима к заявленному предмету. В соответствии с их подходом политический кризис характеризуется:

- разрушением существующих структур, статусов, ролей и институтов;
- неуправляемыми, непредсказуемыми, чрезмерно скоротечными изменениями;
- отсутствием коллективно разделяемых ценностей на общественном и групповом уровне;
- ограниченностью сроков принятия решений и ограниченностью прогностического потенциала акторов;
- распространением политически мотивированного насилия и выходом его из-под контроля (Телин, Полосин, 2016, с. 100).

Через призму этих характеристик в работе рассматривается состояние «неспокойного мира» и делаются выводы о его основных параметрах.

Для прогнозирования кризиса в рамках упомянутой концептуальной рамки предлагается уделять внимание состоянию политических институтов, формированию идентичности, политическому участию и состоянию экономики (Телин, Полосин, 2016, с. 100-105). Эти «идентификаторы» кризиса также использованы в работе для выработки практических рекомендаций.

Характеристики «неспокойного мира»

На протяжении последних 20 лет в рамках своей исследовательской деятельности автор констатировал неизбежность наступления глобального системного кризиса, отмечая, в том числе, таковой характер кризиса 2008-2009 годов, который принято называть глобальным финансовым кризисом (Якунин, 2009). Сейчас с полной уверенностью можно сказать, что мир вступил в этот кризис и с экономической точки зрения: COVID-19 вызвал серьезную рецессию во многих странах, конфликт на Украине повлиял на мировую торговлю (Sapir, 2022). Это и будет отправной точкой наших дальнейших рассуждений.

Системность состояния «неспокойного мира» проявляется в наличии в нем, помимо экономической, еще политической, социальной и антропологической составляющих.

Политическая составляющая выражается в неспособности существующих международных институтов предотвращать и урегулировать кризисы и конфликты, подобные украинскому. Но украинский кризис, естественно, не является единственным: сюда можно легко добавить череду кризисов в регионе Ближнего Востока, Африки, и даже неурегулированную ситуацию вокруг Косово на Балканах. В XXI веке количество конфликтов резко возросло (рост наблюдается с 2010 г.). Более половины всех государств, вовлеченных в конфликты, также затронуты затяжными вооруженными конфликтами, длящимися более 10 лет. Гражданская война обходится средней развивающейся стране в сумму, эквивалентную тридцати годам роста ВВП². Главная констатация – существующие международные институты, призванные урегулировать такие конфликты и кризисы, практически перестали работать.

² Marc A. (2016). Conflict and Violence in the 21st Century. Current Trends as Observed in Empirical Research and Statistics. World Bank Group. URL: <https://www.un.org/pga/70/wp-content/uploads/sites/10/2016/01/Conflict-and-violence-in-the-21st-century-Current-trends-as-observed-in-empirical-research-and-statistics-Mr.-Alexandre-Marc-Chief-Specialist-Fragility-Conflict-and-Violence-World-Bank-Group.pdf> (accessed 27.08.2023)

Социальная составляющая кризиса – это неспособность существующей политико-экономической системы разрешить накопившиеся социальные проблемы, прежде всего усиливающееся неравенство: как внутри обществ, так и между странами. Эта тенденция усугубилась кризисом COVID-19, во время которого правительства заняли сумму, эквивалентную 10-20% ВВП, в основном у частного сектора. Нынешнее низкое благосостояние правительств имеет важные последствия для способности государства бороться с неравенством в будущем³. Важно, что значимые общественно-политические акторы, преимущественно на национальном уровне, практически «отключены» от системы принятия решений на международном и глобальном уровнях, в том числе из-за непропорционального и/или несправедливого представительства в международных и глобальных институтах, что подчеркивает политическую природу этих явлений.

Антропологическая составляющая проявляется в появившихся существенных сдвигах в понимании социальной, психической и даже биологической природы человека: здесь и вопросы соотношения индивидуализма и коллективизма, вопросы религии и идеологии, вторжение искусственного интеллекта и информационных технологий в функционирование человеческого сознания.

Пандемия сыграла положительную роль в сфере интернетизации и информатизации (Kheifets, 2020), ускорились процессы внедрения искусственного интеллекта. По данным агрегатора прогнозов Metaculus к 2034 г. может быть создан общий искусственный интеллект, способный мыслить и действовать как обычный человек⁴.

Все эти изменения драматическим образом влияют на формирование идентичности, а также на функционирование общих систем ценностей, которые не успевают адаптироваться к столь быстрым и масштабным изменениям социальной, человеческой и техногенной природы.

³ World inequality report (2022). WID. URL: <https://wir2022.wid.world/executive-summary> (accessed 27.08.2023)

⁴ When will the first general AI system be devised, tested, and publicly announced? (2020). Metaculus. URL: <https://www.metaculus.com/questions/5121/date-of-artificial-general-intelligence/> (accessed 20.07.2023)

Такая сложная комбинация вызовов требует реакции со стороны государственных систем и формирования соответствующей государственной политики. Эти вопросы пока остаются без надлежащего ответа, что и позволяет определять существующее положение вещей как кризисное.

С точки зрения формирования государственной политики это состояние описывается через следующие характеристики.

Первое. Кризис является ожидаемым и отражает накопившиеся противоречия современной глобальной системы, давно не содержащей признаков рыночной экономики и утратившей ее позитивные черты. Если раньше эти противоречия можно было скрывать в рамках противостояния двух систем времен холодной войны или за счет экспансии на новые рынки и страны в условиях растущей глобализации после распада СССР в 1990-е и 2000-е годы, то теперь эти противоречия уже невозможно замаскировать.

Второе. Это приводит к нарастанию противоречий между западными странами, ведомыми США, и странами, выступающими за альтернативное развитие, к которым относятся Китай, Россия (Lukin, 2018), развивающийся мир. Именно в подъеме незападных стран, которые в российском научном сообществе начинают именовать «мировым (глобальным) большинством» (Лукьянов, 2023) или совокупностью стран «Глобального Юга (Востока)», и их несогласием с отведенной им ролью в мировой экономике эксперты видят одну из причин кризиса капитализма.

Третье. Корни кризиса уходят далеко в прошлое, в том числе в развитие социализма и капитализма. Поэтому нельзя говорить, что кризис развился в 2022 или в 2008 г. Он развивался долгие годы, в том числе в период холодной войны, когда и в капиталистическом, и в социалистическом лагерьх назревали во многом схожие процессы.

Например, снижение эффективности государственного управления и разочарование в кейнсианстве (на Западе) и в административно-командной экономике (в СССР) привело к росту популярности неолиберализма в обеих системах, что стало причиной краха социалистической системы и отказа от соответствующей идеологии (вернее, ее замены на новую – неолиберальную, что стало причиной соответствующих политических трансформаций).

Урбанизация и связанный с ней «демографический переход», рост благосостояния граждан в условиях «государства всеобщего благосостояния» на Западе и развитие социалистического государства на Востоке привели к структурным социально-экономическим изменениям, осложнившим (или сделавшим невозможными) успешные экономические реформы в посткоммунистических странах и надолго определившим миграционные потоки в Северной Америке и Евразии: из стран «Глобального Юга» в страны «Севера» (Запада).

Так получилось, что выгоду от этих процессов, ставших в определенный момент политическими, то есть управляемыми по политическим причинам, получили страны Запада и в первую очередь – США. Экономист-марксист Ричард Д. Вольф утверждал, что капитализм нестабилен, неравноправен и по своей сути недемократичен⁵. Дилан Салливан и Джейсон Хикель считают, что капитализм не уникален в том, что он порождает бедность; бедность может быть результатом любой системы, в которой низший класс не имеет политической и экономической власти. Однако ясно, что экспансия капиталистической мир-системы вызвала драматический и длительный процесс обнищания в масштабах, беспрецедентных в истории человечества (Sullivan & Hickel, 2023).

Все попытки российского руководства предложить после распада СССР равноправное партнерство на понятных принципах, закрепленных в международном праве и международных институтах, таких как ООН, потерпели крах: мир продолжил функционировать на основе весьма размытой системы «правил», которые действовали наряду, в обход или параллельно с формальными международными институтами, закрепляя неравноправное положение стран на мировой арене. Мир наблюдал рост стремления в американо-европейской политике к неоспоримому диктату новых правил и установлению их путем разрушения отдельных государств и любых неподконтрольных Америке организационных инициатив как на глобальном, так и на региональном уровнях (Шаклеина, 2015).

⁵ Capitalism vs. Socialism. Richard Wolff vs. Gene Epstein. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aWtIDwcME3I> (accessed 20.07.2023)

Даже внутри условного «коллективного Запада», как показал «украинский кризис», ни о каком равноправии речи нет: страны Европы и даже ЕС (как межгосударственное образование) вынуждены жертвовать своими экономическими и политическими интересами в пользу «единой» западной доктрины, цементируя «западный блок» (или западную цивилизацию) под гегемонией США. Политическая, военная и экономическая мощь Запада значительно ослаблена, и он пытается приостановить ее дальнейший упадок. Составной частью этой политики является «новая холодная война» как попытка объединить разделенное и встревоженное общественное мнение с помощью призрака иностранной «угрозы» (Саймонс & Гласер (Кукарцева), 2019). «Холодная война» в этом ключе – логическое следствие «неспокойного мира».

Если суммировать изложенное выше и рассмотреть через предложенную концептуальную рамку политического кризиса, то получается картина, позволяющая характеризовать существующее состояние «неспокойного мира» как системный политический кризис глобального уровня (см. Таб. 1).

Таблица 1.

Кризисные характеристики состояния «неспокойного мира»

Признаки политического кризиса	Характеристики «неспокойного мира» и примеры
разрушение существующих структур, статусов, ролей и институтов	разрушение роли ООН, снижение статуса «незападных» стран при взаимодействии с «западными», понижение статуса отдельных западных стран при взаимодействии с США, неформальный режим гегемонии США
неуправляемые, непредсказуемые, чрезмерно скоротечные изменения	политические кризисы в странах Ближнего Востока, Азии, Африки и постсоветского пространства («цветные революции», военные перевороты, гражданские войны), странах Запада (противостояние Трампа в США, уличные протесты в Европе); пандемия COVID-19 (неспособность институтов с ней справиться)

отсутствие коллективно разделяемых ценностей на общественном и групповом уровне	политическая поляризация в США и многих странах мира, рост популизма; отсутствие мирового консенсуса по поводу «украинского кризиса»
ограниченность сроков для принятия решений и ограниченность прогнозного потенциала акторов	принятие решений в реактивном режиме в условиях пандемии и «украинского кризиса»
распространение политически мотивированного насилия и выход его из-под контроля	западные санкции против России, Ирана и ряда других стран, военный конфликт вокруг Украины, военные перевороты, гражданская война в Сирии, террористическая активность на Ближнем Востоке, в Африке

Table 1. Crisis characteristics of the state of the “turbulent world”

Источник: составлено автором

Несмотря на наличие признаков системного политического кризиса глобального уровня, доказательство этой гипотезы не является главным предметом настоящей статьи. Важнее определить, каким образом это состояние влияет на повестку государственной политики на национальном уровне. Ключевыми здесь являются несколько моментов.

Первое. Угроза применения политически мотивированного насилия на глобальном уровне будет определяющим для большинства стран и будет являться главным фактором состояния «неспокойного мира». Страны и политические элиты, желающие сохранить свое доминирование⁶, будут продолжать использовать широкий арсенал мер политического принуждения: от экономических санкций⁷ до угрозы военного вторжения,

⁶ Страны Запада претендуют на концентрацию власти в глобальном мире в своих руках, несмотря на то, что мировой ВВП сегодня не в пользу стран Запада. Сегодня доля ВВП стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона к мировому уровню составляет 30%, доля Европы и Центральной Азии – 27%, Северной Америки – 23%. См.: Вебинар с Владимиром Якуниным «Современный кризис политических систем на фоне развития пандемии COVID-19». URL: https://www.sserussia.org/about-us/news/webinar_with_vladimir_yakunin/ (дата обращения 19.07.2023)

⁷ Инструмент экономических санкций стал наряду с военными кампаниями – одним из самых применимых в политике США, которые начиная с 1990-х годов ввели две трети мировых санкций. В 2023 г. действовало 38 санкционных программ США. См.: Manu Karuka. (2021) Hunger Politics: Sanctions as Siege Warfare. Sanctions as War; Sanctions Programs and Country Information. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information> (accessed 19.07.2023)

формирования внутренней политической стабильности и применения «культуры отмены» в отношении отдельных политиков и общественных деятелей. Скорее всего, основным инструментом принуждения останутся экономические санкции, которые давно уже приобрели политическую окраску, а также стали инструментом борьбы за экономическое и технологическое доминирование в глобализированной мировой экономике, отодвинув на второй план военное соперничество (Väyrynen, 2019).

Значительному числу стран придется, вероятно, подчиниться этому принуждению из-за отсутствия ресурсов (в том числе, политических) для противодействия. Несогласные с этим положением вещей должны быть готовы к противостоянию – в одной или в нескольких из перечисленных сфер. Это предъявляет соответствующие требования к обеспечению национального суверенитета, мобилизации политических и административных систем, выбору партнеров на международном уровне – то есть, формирует соответствующую стратегическую повестку государственной политики. Практика российско-китайского взаимодействия, отношений России со странами Восточной Азии показывает, что лидеры и политические классы соответствующих стран одинаково понимают свои стратегические цели и интересы (Худайкулова, 2020).

Второе. Странам «глобального большинства», к которым относятся Китай и страны Восточной Азии, еще предстоит столкнуться с теми структурными социально-экономическими проблемами, с которыми пришлось иметь дело капиталистическим и социалистическим странам в последние десятилетия холодной войны и сразу после ее завершения. Речь идет о запросе на рост благосостояния при одновременном росте урбанизации и сокращении рождаемости⁸. Рецепты развитых западных стран для решения этих проблем не помогут – так как они сформированы в другом общественно-политическом и экономическом контексте. Поэтому речь идет о формировании новых научно-практических теорий и подходов, которые помогут справиться с этими вызовами. Делать это придется

⁸ Martine G., Alves J.E. & Cavenaghi S. (2013). Urbanization and fertility decline: Cashing in on structural change. Working Paper. International Institute for Environment and Development.

ся сообща, так как в условиях глобальной экономики провести успешные реформы в отдельно взятой стране практически невозможно. Соответственно, растет роль общественных наук и международной кооперации в этой сфере.

Третье. В условиях очевидного кризиса политических идеологий, большинство из которых было рождено на Западе в XIX-XX веках, очевидна нарастающая потребность в новых идеологиях, отвечающих современным реалиям, интересам и социально-культурным (цивилизационным) особенностям стран «глобального большинства», способным примирить несводимые сейчас позиции и обеспечить ценностное единство по базовым вопросам на глобальном уровне. Одной из них, по мнению экспертов, может стать китайская модель социального и политического порядка. Однако открыт вопрос, сможет ли китайская модель переродиться в глобальный проект, альтернативный либеральному капитализму Запада (Рябов, 2019).

Практические предложения

Состояние «неспокойного мира» или системного политического кризиса глобального уровня легче всего иллюстрировать на примере украинского кризиса: здесь присутствует и крах международных институтов, и ценностная разобщенность и политически мотивированное насилие, и необходимость действовать в условиях ограниченных временных ресурсов. Можно сказать, что этот кризис стал катализатором многих процессов. Мир раскололся. В то время как большинство стран в Генассамблее ООН проголосовали за резолюцию, осуждающую действия России на Украине, многие выступили либо против, либо воздержались – среди них крупнейшие экономики мира – Китай и Индия⁹. Значительному числу стран удастся сохранить нейтралитет, столь необходимый не только с точки зрения защиты национальных интересов, но и для обеспечения

⁹ Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию. ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1420532> (дата обращения 19.07.2023)

стабильности в мире (Юй, 2022). Это приводит к тому, что в самих странах также происходят изменения. В тех же США существует раскол, который носит ценностный и идеологический характер. Это важно отметить для логики дальнейших размышлений.

Современный мир является свидетелем противоречий между институтом государства и институтом общества. Общество, которое исторически создало институт государства для разрешения противоречий и управления, сегодня может констатировать, что государство как институт и как класс бюрократии все больше и больше старается выйти из-под контроля общества, что тоже является характеристикой политического кризиса, но уже на национальном уровне. Рискнем предположить, что это характерно для всех стран и политических систем, следующих современным концепциям неолиберального капитализма и основанной на его основе модели глобализации, хотя этот тезис может стать предметом научной дискуссии.

При этом все равно возникает законный вопрос и опасения в том, что государство, которое монополизировало инструменты принуждения и концентрирует, в том числе, научно-технические ресурсы, использует их для формирования общественного мнения в целях обеспечения своих интересов, выдавая их за «национальные». С точки зрения любой теории (неомарксизм, релятивизм, реализм) эти интересы не имеют ничего общего с интересами того общества, за интересы которого они выдаются. Примеры этих противоречий являются важнейшим элементом формирования государственной политики на национальном и глобальном уровне: транснациональным политическим и деловым элитам подчас проще договориться друг с другом, чем с собственным населением и гражданским обществом в соответствующих странах, которыми можно манипулировать через информационную повестку и с использованием социально-экономических инструментов, в итоге игнорируя в течение десятилетий их базовые интересы и потребности. Такое «перерождение» политических элит во многих странах и сделало возможным столь долгое существование глобальной гегемонии.

В этой связи считаем возможным определить пути выхода из сложившейся ситуации через систему трех «D»: Dialogue, Diplomacy, Development.

Dialogue: диалог не ведется государственными институтами; государства ведут переговоры, а диалог ведется только институтами гражданского общества. В мире формируется запрос не на порядок, а на стратегическую эмпатию, то есть способность признать и понять потребности другого без отказа от своих представлений и без стремления изменить другого (Сафранчук, 2022).

Diplomacy: дипломатические инструменты – единственные инструменты разрешения противоречий; с накопленным военным потенциалом, способным уничтожить жизнь на земле, силовые методы не способны разрешить конфликт. Более того, другие достижения научно-технического прогресса, которые используются сейчас непостижимым образом для ведения гибридной войны и манипулирования общественным сознанием, демонстрируют, что профессиональная дипломатия критически необходима. В условиях кризиса капиталистической системы дипломатия меньшинства себя дискредитировала, договоренности в узком кругу странами развивающегося мира не воспринимаются больше как «позиция международного сообщества» (Лавров, 2023).

Development: в настоящее время много говорится о возрождении национальных государств, хотя глобализацию тоже никто не отрицает. По мнению Рассела Бермана, кризис COVID-19 ускорил возрождение национального государства в качестве доминирующего игрока в международной политике. Способность национального государства осуществлять власть сыграла более важную роль в управлении кризисом COVID, чем международные организации¹⁰. Пандемия и современная ситуация все больше и больше показывают, как легко нарушаются глобальные цепочки. Нас с неизбежностью ожидают фрагментация и регионализация¹¹: по географическому принципу или по принципу общности интересов (БРИКС, ШОС, АСЕАН) (Лукин & Якунин, 2019). Но при этом ключевым вопросом

¹⁰ Russell B. (2020). On The Nation-State's Re-Emergence, Globalization's Decline, And The International Politics Of COVID-19. URL: https://www.hoover.org/news/russell-berman-nation-states-re-emergence-globalizations-decline-and-international-politics?_gl=1*pktd4d*_ga*MTA3NzMONjEwMS4xNjg4ODE0MTU2*_ga_0PJBLNCVZ1*MTY4ODgxNDE1NS4xLjEuMTY4ODgxNDE1Ni41OS4wLjA (accessed 19.07.2023)

¹¹ Фрагментация и регионализация международного порядка. НИУ ВШЭ. URL: https://ncmu.hse.ru/chelpoten_trends/regionalism (дата обращения 19.07.2023)

является вопрос о том, что ставится во главу угла современного развития. Развитие и формирование национальных интересов следует понимать не через призму роста ВВП как единого мерила развитости, а через призму развития общества и человека с точки зрения счастья, развитости, уверенности в будущем, а для этого правительствам еще предстоит реформировать системы государственного управления с учетом опыта отдельных стран (Гаман-Голутвина, 2013). Создание сильных и эффективных государственных учреждений имеет решающее значение для достижения целей в области устойчивого развития и построения будущего на более совершенной основе после пандемии (Мелеман & Фрейзер-Молекети, 2022).

«Три D» должны быть положены в основу формирования современной политики современного государства – практика ценностно-ориентированной политики, которая формируется на основе ценностей современного конкретного общества, с учетом исторических и актуальных особенностей формирования, с упором на центральное антропологическое ядро – ценности развития человека.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Public Policy Agenda in a Turbulent World

Vladimir I. Yakunin, Doctor of Political Sciences, Head of the Public Policy Department,
Political Science Faculty, Lomonosov State University.
Lomonosovsky pr. 27-4 Moscow, 119192, Russia
E-mail: info@polit.msu.ru

Abstract: The world is experiencing dramatic transformations determined by political and economic shifts in the roles of the West and the East, the North and the South. These changes pose huge challenges on the global and national levels, testing international institutions and national governments and creating crises on all levels and in different spheres. The article examines how the public policy agenda is changing under permanent shocks. The author comes to the conclusion that the public policy agenda is under the pressure of short-term and emergency-oriented tasks in expense of strategic issues, but in order to provide sustainable development, the governments should support long-term projects, internal social coherence and external mutual dialogue, using the most advanced tools of social and natural sciences, as well as the opportunities of digitalization. Only this proactive, but careful and civilizationally grounded approach will provide peaceful solution of current and future challenges.

Keywords: public policy and governance, global systemic crisis, capitalism, global majority, inequality, dialogue, diplomacy, development, hegemony, sanctions, cancel culture

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Kheifets B.A. & Chernova V.Yu. (2020). The New Global Economic Crisis: How Will Globalization Change? *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 13(4): 34–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-2

Lukin, A. & Yakunin, V. (2018). Eurasian Integration and the Development of Asiatic Russia. *Journal of Eurasian Studies*, 9(2), 100–113. DOI: 10.1016/j.euras.2018.07.003

Meuleman, L. & Fraser-Moleketi, G. (2022). Transforming Institutions and Governance to Build forward Better towards 2030. *Governance and Politics*, 1(2), 7–29. DOI: 10.24833/2782-7062-2022-1-2-7-29

Sapir, J. (2022). What Will the Next Great Global Crisis Be Like? *Russia in Global Affairs*, 20(3), 156–160. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-156-160

Sullivan, D. & Hickel, J. (2023). Capitalism and Extreme Poverty: A Global Analysis of Real Wages, Human Height, and Mortality since the Long 16th Century. *World Development*. 161 p. DOI: 10.1016/j.worlddev.2022.106026

Väyrynen, R. (2019). Models of a New World: towards a Synthesis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 12(3), 189–206. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-189-206

Entina, E.G. (2022). Ot «otmenënoï Rossii» k strane-civilizacii [From “abolished Russia” to a country-civilization: The “abolition” of the West of Russia in the eyes of most countries of the world has become the exaltation of the territory]. *Rossiia v global'noy politike*, 20(5), 98–108. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-108 (In Russian)

Gaman-Golutvina, O.V. (2013). Mirovoj opyt reformirovaniya sistem gosudarstvennogo upravleniya [World experience in reforming the public administration system]. *MGIMO Review of International Relations*, 4(31), 187–194. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194 (In Russian)

Gaman-Golutvina, O.V. (2016). Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoï politiki. K 60-letiyu SAPN/RAPN [Political science facing the challenges of modern politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.02 (In Russian)

Khudaykulova, A.V. (2020). Geopoliticheskie treugol'niki v kontekste konkurencii tradicionnyh i voskhodyashchih centrov sily [Geopolitical triangles in the context of modern competition and rising centers of power]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 13(4), 53–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3 (In Russian)

Lavrov, S.V. (2023). Podlinnaya mnogostoronnost' i diplomatiya protiv «poryadka, osnovannogo na pravilah» [Prolonged multilateralism and diplomacy versus the “rules-based order”]. *Rossiia v global'noy politike*, 21(4), 72–81. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-72-81 (In Russian)

Lukin, A.V. & Yakunin, V.I. (2019). Puti i poyasa Evrazii. Nacional'nye i mezhdunarodnye proekty razvitiya na Evrazijskom prostranstve i perspektivy ih sopryazheniya [Roads and belts of Eurasia. National and development projects in the Eurasian space and prospects for their integration]. Moscow: «Ves' Mir». 416 p. (In Russian)

Lukyanov, F.A. (2023). Global'noe bol'shinstvo – na perekryostke mirovoj politiki? Interv'yu [Global majority – at the crossroads of world politics?]. *Problemy nacional'noj strategii*, 2, 34–41. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_2_34 (In Russian)

Ryabov, A.V. (2019). Ot celostnosti k novomu raskolu i sopernichestvu? [Where does this new split and rivalry come from? (world system and world order in changing realities)] *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 12(4), 32–48. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48 (In Russian)

Safranchuk, I.A. (2022). Empatiya – luchshaya strategiya [Empathy is the best strategy]. *Rossiia v global'noy politike*, 20(2), 132–139. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-132-139 (In Russian)

Shakleina, T.A. (2015). Liderstvo i sovremennyy mirovoj poryadok: nuzhen li miru lider? [Leadership and the modern world order: is a world leader needed?]. *Mezhdunarodnye process*, 4, 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1Shakleina T.A. 2015. (In Russian)

Simons, G. & Glaser (Kukarceva), M.A. (2019). Novaya holodnaya vojna i krizis liberal'nogo global'nogo poryadka [The New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 12(3), 77–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-77-93 (In Russian)

Telin, K.O., Polosin, A.V. (2016). Politicheskij krizis v zarubezhnoj mysli: konceptualizaciya ponyatiya [Political crisis in foreign thought: conceptualization of concepts]. *Politicheskaya nauka*, 4, 93–110. (In Russian)

Torkunov, A.V. (2020). Rasshiryaya predely sociogumanitarnogo poznaniya mira [Expanding the boundaries of socio-humanitarian knowledge of the world]. *Vestnik Rossiïskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*, 20(3), 694–703. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703 (In Russian)

Torkunov, A.V. (2022). Rossiya i politicheskij poryadok v menyayushchemsya mire: cennosti, instituty, perspektivy [Russia and political order in a changing world: values, institutions, prospects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 7–22. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02 (In Russian)

Yakunin, V.I. (2009). Rol' tekushchego krizisa v izmenenii finansovo-ekonomicheskoy karty mira. Noveye vozmozhnosti Rossii [The role of the modern crisis in supporting the financial and economic map of the world. New opportunities for Russia]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 6, 6–18. (In Russian)

Yui, B. (2022). Neutralitet Kitaya v novom mrachnom mire [China's Neutrality in a Dark New World]. *Rossiya v global'noj politike*, 20(3), 118–124. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-118-124 (In Russian)

Литература на русском языке:

Гаман-Голутвина О.В. (2013). Мировой опыт реформирования систем государственного управления. *Вестник МГИМО-Университета*. № 4(31). С. 187–194. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194

Гаман-Голутвина О.В. (2016). Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН/РАПН. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 8–28. DOI: 10.17976/jrps/2016.01.02

Лавров С.В. (2023). Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах». *Россия в глобальной политике*. Т. 21. № 4. С. 72–81.

Лукин А.В., Якунин В.И. (2019). *Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения*. Весь мир, 416 с.

Лукьянов Ф.А. (2023). Глобальное большинство – на перекрёстке мировой политики? *Проблемы национальной стратегии*. № 2 (77). С. 34–41. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_2_34.

Рябов А.В. (2019). От целостности к новому расколу и соперничеству? (миросистема и мировой порядок в меняющихся реалиях). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 12(4). С. 32–48. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

Саймонс Г., Гласер (Кукарцева) М.А. (2019). Новая холодная война и кризис либерального глобального порядка. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 12(3). С. 77–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-77-93

Сафранчук И.А. (2022). Эмпатия – лучшая стратегия. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 2. С. 132–139.

Телин К.О., Полосин А.В. (2016). Политический кризис в зарубежной мысли: концептуализация понятия. *Политическая наука*. № 4. С. 93–110.

Торкунов А.В. (2020). Расширяя пределы социогуманитарного познания мира. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 3. С. 694–703. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Торкунов А.В. (2022). Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 7–22. DOI: 10.17976/jrps/2022.05.02

Худайкулова А.В. (2020). Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 53–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Шаклеина Т.А. (2015). Лидерство и современный мировой порядок: нужен ли миру лидер? *Международные процессы*. № 4. С. 6–19.

Энтина Е.Г. (2022). От «отменённой России» к стране-цивилизации: «Отмена» Западом России в глазах большинства стран мира стала возвеличиванием объекта. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 5. С. 98–108.

Юй Б. (2022). Нейтралитет Китая в новом мрачном мире. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 3. С. 118–124.

Якунин В.И. (2009). Роль текущего кризиса в изменении финансово-экономической карты мира. Новые возможности России. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. № 6. С. 6–18.